

Роман
КРУЧИНИН

Время незаметно и скоротечно. В бумагах. Законах. Отписках. Настольный теннис издательства органов. Пинг-понг. Пинг-понг. Материал туда. Часики: тик-так. Материал – сюда. Часики: тик-так. Материал – отсюда. Часики: тик-так. Материал обратно. Душевно. По беспределу манипуляторов законами. Без просвета и без решения. На фоне угроз и угроз – уйти из бизнеса. А как уйти, если уже на улице? Если уже – ни крыши, ни стен? Куда? Уже все возможные суды арбитражные выиграны. Но где исполнение? Где справедливость и здравый смысл в этом городе!? Пойди поищи! Вот и остаётся найти и искать закон в этом беспределном водовороте беспредела. Не смотря на часы. Отрывая листочки и листы календаря.

– **И** что? Долго он ещё мозги будет выносить? Что, разобраться не можете?
– Да уже что только ни делали. И машину, и дверь подожгли. И так с ним конкретно поговорили. Не успокаивается.
– Так что, мне вас учить как успокаивать?
– А то ты не знаешь, кто он такой?
– Что в нём такого, чего я не знаю?
– Ага... Он рукопашку преподавал, когда мы с тобой ещё в детсад ходили. А в Чечне чем занимался, ты будто не слышал? Он же нас перестреляет всех как котят. Он же без ствола и в туалет не ходит.
– У него что, ствол есть?
– Наградной. Только ему и пистолет-то не нужен. Ножом умеет. По-режет. Всех. Видел бы ты, что он с ним делает. Да и рассказывали, те с кем он там был. Больной на голову. Вчера вон к нему опять чечены приезжали. Они же отморозженные.
– Ну, тогда придумай что-нибудь. У него же много врагов...
– Ага... Были. Теперь все на кладбище.
– Кто?
– Его враги. О чём тебе и говорю.
– Ваши проблемы. Решайте, как хотите. Чтобы в городе ни его, ни материалов про него не было! Понятно?

– **Алло!** Ваганыч?! Узнал? Слушай, у меня тут гадёныш завёлся. Пишет и пишет. Сил уже нет. Я тебе отправлю материал по его фирме?
– Подследственность чья? Моя? Следствия?
– Да подследственность полиции. Дознание.
– А как ты мне его скинешь?
– Как-как... Давай напишу, что материал в отношении депутата, а это уж твоя поляна, следственная.
– А если всплывёт? Ты же знаешь, что это служебный подлог!
– Ой! Ерунда какая. Главное убрать с глаз.
– Что там? В двух словах.
– Ну, Генка с Мишкой выкинули арендатора, а договор не расторгли сначала.
– Так это же самоуправство.
– Вот. И имущество его – мебель, памятник, себе забрали.
– Молодцы. Тут ещё и кража нарисовывается.
– Ну, вот теперь этот гадёныш везде требует принять решение в соответствии с законом, и возбудить дело.
– А эти, они твои?
– Ну да.
– Мой интерес-то какой?
– Какой-какой! Сочтёмся.
– У меня там показатели... Карточки подпишешь?
– Ну, о чём разговор!
– Ладно. Присылай. Только своим скажи, чтобы они документы сделали. Какие, скажу позже.
– Да всё что надо напишут.
– Всё! Давай. Остальное не по телефону.
– Само собой!

Зима объединилась с весной. И вдвоем подобрались к лету. Они пробуждали и замораживали. Раздавая прохожих и почти сразу, почти без паузы, закутывая их в зимние одежды. Весна чередовалась с зимой так часто, что вера в тепло угасала вместе с померевшей от холода высаженой в теплицы рассады помидоров и огурцов. Если всего год назад дача радовала стройными зелёными рядами картошки, то сейчас она лишь шупальцами побегов искала в подвале солнце. Оставалась лишь надежда на лето. Пусть запоздалое. Но лето!

Уже позади арбитражные суды. Все возможные. Все выигранные. А с победами разрушились и сгинули в пропасть мечты о нормальном бизнесе. О честной и равноправной конкуренции. На фоне непрекращающихся проверок разными инстанциями. О защите и поддержке. О порядочности. Этих или этой? Да всех. Пинг-понг. Туда-сюда. Полиция – жалоба – прокуратура – представление – полиция. Больше года. Пинг-понг. Замкнутый круг, расщеплённый на то, что человек устанет и плюнет. Затюканный постоянными, рождаемыми из воздуха жалобами несуществующих людей. Круг, целенаправленно рождающий и возвращающий огромное дерево уверенности в бесплодности всех попыток добиться исполнения закона.

И всё по закону. Да только закон для всех разный. Есть книжничий. О котором все и везде толкуют. На который ссылаются. Все. Тот, который главный. А ведь есть и другой. О котором не говорят. Чинивичий. Телефонный. Тёртый-перетёртый. В банях, ресторанах. На худой конец, в кафе. Или на природе. И он намного крепче и правильнее. Он законней закона, потому что он сверху. Невидимой паутинкой оберегающий язык. Неприкасаемую. Ведь только дерни где за край, так всё может не просто порваться. Хотя порваться – это ерунда. Склеить можно всё. А ведь может рухнуть! И тут как на войне – друг за друга. Смертным боем. А жалоба... Они и есть угроза. Кто его знает, как ситуация вывернется. Может, как все-

гда. А может... Потому лучше по кругу. Рысь. Заматеревшая рысь с повадкой. Щелчок карабина и она солнечным лучом мелькнула над воротами и, пока гремели ключи, отпирание не отпиралося почему-то калитку, уже пролетела по периметру дачи. Нюхая и осматривая. Картофельная ботва пожула, оставив сверху лишь маленькие грязно-коричневые ниточки. Посмотрела на хозяйню и прыгнула к большой картофелине, почему-то лежащей на земле. Миг и она уже подбрасывает её в воздух... А за картошкой тянется тёмная нить растаяшки... Щелчок. Звук до боли знакомый. Летит, кувыркаясь в воздухе, белый рычажок. Рысь задними лапами отталкивает то, что секунду назад казалось картошкой. На автомате, на животном инстинкте, падая, вгрызаясь в землю. За дерево. За листочек. За былинку. А взрыва не слышно. Лишь жёсткий ветер в лицо. И сверху лишь то, что секунду назад было живым и другом. Вперемешку с землей, болью и криком.

– **Что там?**
– Да ничего. Заклюение будет, что граната времён войны.
– И?!
– Да отказной. Пусть хоть куда пойдёт. Всё нормально.
– Уверен?
– Я вас умоляю!
– А он сам чего?
– А чего он. Всё подписал. Со всем согласился. Молча. Да вроде и из директоров ушёл. В штаны наложил. Теперь о нём можно забыть.
– Ну добро. Что у нас там дальше?

Лето продолжало тянуть. Слово где-то замёрзло, а теперь согревая водяной пылью, каплями и потоками покрывая всё и вся. С листьями зелёными и пожелтевшими. Взрываемами запоздалыми молниями и громом ударяемыми оземь. Растворилось надеждой, не согретаемой даже утренним кофе. Теперь осталось ждать снега. Без перспективы. Может, денёк другой поморозит и снова непроглядная серость и слякоть. Тепло закутало, потерялось и исчезло в переулках и дворах. Маня и заманивая жёлтым светом окон домов. А в офисах и кабинетах тепла нет. И свет там, как в последний путь. Холодный и белый. Без тепла. Летом там и не пахло.

А жизнь идёт. Она мчитя вокруг и около. Сквозь и вдоль. И всё хорошо вокруг. По телевизору, в газетках – стройки, радость, достижения. И всё кажется – здесь, рядом. В соседней области. Городе. Улице. Вот-вот и уже завтра придёт это лучшее и радостное в твой дом. А оно проходит по канавам, называемым улицами. Мимо. Мчится по отремонтированным красивым фасадам домов центрального проспекта в чёрные дворы. По пятам срезанных, никому не нужных деревьев. По земле, на которой не растёт даже трава. Слово по городу прошёл страшный по силе и разрушениям ураган, а тех, кто должен восстановить и очистить от разрушений, нет. Но главное написать и доложить – всё хорошо.

А те, кто должен, – они есть. Те, кто должен и обязан расчищать город от завалов. Кто-то от слизи, заполонившей кабинеты. Но некому. Они захватили город и уже не видят и не считают жителей за людей. Они лишь маленькие букашки, мешающие им качать зелёные доллары в свои карманы. И как-то за лозунгами и рапортами незаметна их бурная деятельность. Всё прекрасно и замечательно. Пока не попадёшь в их поле зрения. А ведь всё вокруг. Стоит посмотреть. Оглянуться на вчера. Вспомнить, что это сегодня. И задуматься о завтра.

А он ходил и ходил. Мерил шагами дачу. От забора до забора. До ограды, через которую летала картошка из лап зверя. Ходил. Топтал. Сминал. Мыслить было много. Быстрых. Настолько быстрых, что образовывались вакуум, умноженный на холод сердца. Ходил, незаметно прокладывая свою тропу. Тропу зверя. Теперь без эмоций. По закону гор. По древнему и уже забытому закону предков. Человека уже не было. Из калитки рысью выскользнул зверь. Берсеркер.

Чем старше лес – тем больше тропок, а я – где мог – загорючил, не то что жаден и так робок, не то что барин здесь один.
Нет, вот Шукшин, Распутин бродят, Рубцов с Есениным, а я чем дольше с ними – чище вроде, светлее нелесного дня.
Дожди? – уже отморосили, в корзинке? – редок грусти груздь, – чем больше пришло в России, тем пуще охраняю Русь.
Но кто-то застрелил оленя, а самовар кто уволок?
Ну вот, ну вот, уже жалею, что я раскрыв сей уловок...

Какие бурные цекотки на лугу срывал босыми пятками допреже! Олять же к действию детство привлеку... Но травы – режут.
Какое сердце я выращивал в полях, полчарства и табун мне за такое!.. Не кони ли из юности пылят? Но ржут не кони.
Каких лягушек как же слушал на заре, как с удочкой в руке от счастья прыгал! Вот, до – локтя – карась, и я созрел... Но рыбы – рыбы.

Эх, жизнь – околлица, тянуть за хвост кота? Царапается пусть, пусть жалко очень? Но ветер подрядился – цекотать, как смерть цекочет...

До петухов, – песок, шуга ль, скопленье рытвин, – Он в душу русскую шагал и знал – открыта.

Деревне крыши целовал, печь неимо мазал... Но не пробой сквозь целлофан, куски пластмассы.
Егоиний воин, что я мог? Я виноватый... Надежда – словно чугунок на пол с ухвата.

И сколько взглядом ни мусоль: пусть ночь чуть позже... – заря пожара на мозоль на пятке божьей.

Я не болю за страну, я ею болен,

но лишь сегодня утонул, поплава вволю.
Вот отключилась голова, свыкаясь с тишью... Деревья, тропки, дерева, – душа, лети же!
Кто предо мной, кто подо мной... привет, сельчане, я прилетел-таки домой! А вы серчали на тех, кто плавает давно по чуждым волгам... Однажды тонет и г... из чувства долга!

Я душу всегда оставляю открытой. Вы скажете глупо – конечно же, глупо, за это судьба на задворках отлупит, гремя медным тазом, разбитым корытом.
Но я не могу, не умею иначе, закрытому – страх и дышать очень трудно, как будто находишься около трупа, который вдобавок подмигивать начал...

Не дудочка – трубка сиротства, колечки пуская страдать... Дай, Боже, не стадио скотства – дойти, где стада и стада.

Не отрок, не агнец, не овен, и если был нимб, то усох... Но видишь – не кнут наготове – телёночку хлеба кусок.

Не всё замолю и отмою, но более зла не копить... Дай, Боже, не уровня моря – осанку не ниже копты.

Не трубка в туманности вдовьей, не дудочка давит дыха... Да, хлеба кусок наготове, нет зрелищ для экс-пастуха.

Будь пастырем, мне посодействуй, колечки грехов отпустив... дай, Боже, на корочку детства крупинки – луга не пусты...

Темнит душа, что ей не светит и даже тени от свечи,

сродни ограде рёбра эти... Как струны рёбра – поберечи, и прикоснись скорее к свету, – я грудь к окошку прислонил, – вон дед Иван и бабка Света... Такие светлые они!
Полкан дворовый и кот Маса – как чудо в шерсти, – так искрят! – поглядь же их, душа, не майся, – разряд, разряд, ещё разряд... – и нет уже завидней доли, обмана зренья тоже нет – снесла нам Ряба золотое... Закат – воистину рассвет.

Какая странная роса – красна, но это не от крови... (Гلابу закрою – набросать хоть пару строчек – и открою.)
И где я только ни бывал, – и ворон там польный болен, и гор-то нет – и всё ж обвал, а вот на этом русском поле... Какая тишь, какая гладь! ромашка с васильком в обнимку... (Не дай мне, Боже, удалять душою сделанные снимки.)
О, из всего любовь лишь есть! – к заре, росе, родному дому... Да был я здесь, всегда был здесь, я просто видел по-другому.

Обессонил будильник пернатый не бессовестный "ку-ка-ре-ку"... – С добрым утром, родные пенаты! – Утро доброе! – мне – дураку.

Нет, витал в облаках не напрасно – точен спуск на скопление действ... Там – за нашу улицей – праздник? Но отрадно, что солнышко – здесь; мать-и-мачеха деточек женят, возле яблоны пчелы кружат... Голова продолжение шеи? Но зато – перед шей – душа.

Я на пугало кепку надену – пусть форсит, ну а сам – за дела... Нет в руках и ни сил, и ни денег? – мне важнее наличие тепла.

На заборе пернатое "знамя", а сосед, чтоб слова размять: – Что аж светишься? – Чёрт меня знает... – Что темнишь-то? – Бог знает меня.

Как два ведра на коромысле, улыбок предпочта оскал, я замутнёность чувств и мысли носил – плескал, носил – плескал.
Колодец был пленён отравой и бурно зарастал травой, самим собой я был направлен к тропе кривой, к тропе кривой.
Вот так и жил бы зверем лютым... Очистился с течением дней колодец! И, ей-богу, люди душой ко мне, с душой ко мне.
Как два ведра на коромысле, хоть режь елозит по плечу, незамутнёность чувств и мысли несу – плещу, несу – плещу!

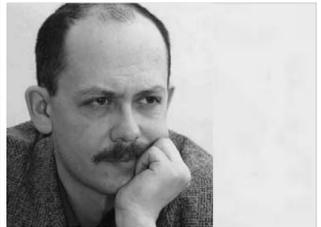
Мне заснулось легко в стое сена, а проснулось – высоток парад... Зашукунились и заесенил, закурчичиться тоже пора.

Где б колодцам – стоят светофоры, родникам – там потоки машин... Полицейский пытался оформить – посмеялся, а я не смешил.

Это помню... как помню, что в слёзы, всходи дрожь на нижней губе... Засосинился и забережил, как на холоде я задул.

Отдобрился и весь замерзавил, на душе – только кочки и пни... Билетёршу на автовокзале приподнял: "Твою мать, ущипни!"

Мне билетик в село как просфора, денег нет, дали б фору за пыл... И пешком бы до дома с платформы, но дорогу как будто забыл...

Михаил
КРУПИН

Но заново слежу – куда мы плыли?

ЭЛЛАДА НАВСЕГДА
Мирмидонцы – "муравьиный народ", воинственный племя, которым правил по преданию Ахилл, враждебное персам.

Все ушли. Я остался один. За окном только ночь захохотала. Дом 17 и 21 образуют великое устье для желающих впасть в этот мир и для тех, кто впадёт, не желая. Мир... Не то чтобы он притомил копынцев царя Менелая, и не то чтобы это тщета – чья-то Троя, венеда, Елена... просто нас гонит в путь нищета парусов и грядущего тлена. В дальнем устье сверкает Москва – чьи-то струги, тигры и мерсы... Это утро. И нет божества. Есть лишь мы – мирмидонцы. И персы.

ДОЧЬ ПОСЕЙДОНА
На яхту с неба прилетела, И лепетала: вот полёт!.. Верь – солнце засмеяло тело, Как моря мягкий переплёт. Не мог прочесть я сквозь обложку От света золотых излук, Листал... Одну, вторую ножку Переворачивал, ни букв, Ни мук не зная... И заплакал И успокоился, и вне Души нашёл прямое благо: На верной мертвенной волне Душа, как знание, привстанет, Глядит и видит – корабли, Морей неспешное латанье, Да это странное латанье Над зыбкой бусинкой Земли...

Львы дышат. Воды цепенеют. И боги, как при Александре, просят только одного... Так разорви в себе гиену, зайца, обезьяну, и всё это в одном звенящем кадре. Неважно, что у каждого внутри.

Львы дышат. Рядом чёрная осока ласкает гадов годы и века, И львята в пасть их прыгают до срока, и смраден запах каждого цветка. А далеко на севере, в Париже, быть может, в белом венчике из свастик, орлят и львят, раздавленных в пыли, Великий Земноводный выше, ниже скользит – с форматным панцирем на пасти; хвостом ударит – блеют короли.

...И хвост забыт в осыпавшемся храме, и видится смешным в его карьере лесов и рек немисланный узор... Но помнит он, что где-то за горами львы бегают, рычат, играют, верят, и перед солнцем не склоняют взор. И мы запомним – если всюду пропасть, и замирает птиц высокий полет,

и снова змеи подняты на щит... Пока львы дышат, солнце бьется в небе, и мир поэтов и богов не сползает. Пока львы дышат, сердце в нас стучит.

МОНТАЖ ПО СВЕТУ
Жизнь и смерть летят по свету – Никого на свете нету, Только яблоны в цвету... Остальное население Не имеет отношенья Ни к Яриле, ни к Христу.

...Поленья в топке – как в меду – в огне, С мороза зарядил я печку грубо, И двинулись куда-то стены сруба, Как тяжкие плоты по Колыме...

Как снежные ракетные стволы, Как сталинские крепежи и годы, Когда плюют на деньги и свободы, А к вечеру сдвигают все столы...

С метели в избу ввалится отец, И керосинка в нимбах двух колец Трещает словно мальчик из Уржума...

ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАЦИИ
От описки, оговорки, Оттого что летописец От дощечки взгляд свой поднял И на чаек посмотрел... Возникают вдруг народы, Низвергаются друг на друга, Оттого что словоплотник Вспомнил детский свой удел. Вспомнил скалы ободорки, Вспомнил след весёлый писий, Крик выхлестывает – *Sister!*.. Вместо нежного "сестра", А беда его все глуше.

Молока глоток, не больше... – Это *bad milk* здесь такое, Что домой идешь пора...

И уже не славит Бога, Только отмеряет время Колокол, а потому я Скрываю попроше: *clock*. Им здесь море по колени, Не вино – вода живая, Напиваются как *swine*, Это звери, видит Бог.

Что ты им ни накорябай, Побурчат и недотынут, Только дивно улыбнутся И мгновенно спелят *lips*: Спал, мол, сволочь, с каждой бабой, Нас побив в одной лишь *battle*. Ты ведь можешь не проснуться – Скажем, *cañ* тебя загрзы.

Летом здесь собачий *cold*. Чтоб под ветром не застынуть, Попроси слугу отрезать От материи лоскут... Он рачителен, хоть молод, Сиганул на камни с тына, И теперь здесь слово "резать" Означает просто "cut".

Ветер будет просто *weather*, Просто скверная погода, И ладечек варяжских Не пригонит по косе... *Wall* булыжного замеса Шевелит морскую *water*... И шепчу я: "Вот досада..." И слуга вздыхает: "Sad..."

Я надеялся влюбиться. Есть вдова одна, да, *widow*, Отдалась и не зарделась... Только так тоска взяла, Что любовь у нас не спелась, И пишу теперь с обиды Покороче это слово, Да и все вообще слова.

И в каком был грех колене, Что колено кланом стало?! И дела, легки и хлестки, По морю погналы прочь?.. И теперь в соленой пене Все валься у причала... Посадить хотел березки, А они воткнули *birch!*

Вот пишу я – и народы Образуются из звуков, Возвдвигаются из слеси, И срываются в дыру... Эти северные воды Погребут гортанюбесье...

Но... Аз емь! *I am!* И снова Выпал *snow* на *mushroom!*

Треснет чахлая дощечка Посреди живого слова, И кому какое дело, Обо всем скажи мне устно, Я давно читать устал.

Чем на эту карусель, я залезу на полати: дураку и там Брюссель.

Все и ярко и убого, точно спичек коробок. Мы давно забыли Бога. Ну, скажи – какой он, Бог? Все и весело и грустно.

Разомкни свои уста, Обо всем скажи мне устно, Я давно читать устал. Нынче нам за ум не платят. Чем на эту карусель, я залезу на полати: дураку и там Брюссель.

Зайди в музей, когда заходит солнце, И экспонаты все перебери Рукой своей – мечом руки очнёшься, И горница очнёшься изнутри.

Дошатых стен текущие волокна Взмаюлет алебастра польночь. Прочь бросься – тебя настигнут окна, И духи дня перешерят ладю...

Заплачут чайки, жаворонок скажет, Кого он так боялся и любил... Слепой найгаке был порядок важен, Да Бог наутро версты расклубил...

...Да вспыхнет саблюю рука, и сам ты вспыхнешь – Перед Олегом княжик Игорёк, Весь вскиннутый судьбою на убийство, Всей правдой раскалённый – солнца клоч!

Хоть плачь, твоим весельем боги водят И крови, точно вечности, хотя... Заходит солнце – и в музей заходит, В небытие лучами колотит! – Где юное смешливое величие? Где золотая и льняная знать?!

Кому легко под волхвованье птичке Себя живого в смерти вспоминать?..

К МАРИНЕ, В НИЖНИЙ НОВГОРОД
Марина, я зову тебя – прости, ни ветерка, чтоб донести мой голос от комнаты до кухни – между ними пять сотен верст, как будто из горсти просыпались чайники, дёбри, морось, холмы, зыряне, реки, "gimme-gimme", ещё туман и некуда идти.

Пять сотен вёрст, пять миллиардов сосен, берёзок, ёлок, как-то доберусь, подкажешь явь и навь, варяги, звери, и только вид наклонных фур несомнен, хоть кто-то нам сказал, что это Русь, не всякий русский этому поверил.

От комнаты моей до кухни той, где нежно вечность над огнём клокочет, и превращается – сначала в пар, затем в причудливый плач окон. Точен слезой-иглой над синей пустотой узор национальный и удар царевны оземь. Смена оболочек здесь занимает время, а точней все времена, ведь жизнь у нас не сказка.

Марина, я зову, ты занята, и кем-то прочно занято пространство пяти пресветлых княжеских семей, здесь жило колдунов до яписта... Хотя... Вначале было дилетанство. Ты веришь в слово, я же немота.